

Культура

Китайский Новый год в исторической ретроспективе

© 2015

А. Верченко

Новый год, или Чуньцзе, возник в Китае около 4 тыс. лет назад и, испытав на себе все превратности исторического процесса, политических и экономических реформ, сохраняется до начала XXI в. Все попытки власти перебороть стремление народа отмечать Чуньцзе по лунному календарю потерпели неудачу. Народные обычаи не ушли из жизни населения в условиях модернизации и глобализации, и это подтверждает консервативность традиции в сравнении с динамизмом экономических форм жизни.

Ключевые слова: Новый год по лунному календарю, Чуньцзе, традиции, праздники

Новый год — праздник, который отмечают многие народы мира. Он ассоциируется с переходом от последнего дня одного года в первый день следующего. В Китае, по общему признанию, праздник известен со времен легендарных правителей Яо и Шуня (около 4 тыс. лет назад). О его происхождении существует много легенд и версий. Для китайцев это самый важный праздник традиционного лунного календаря *нунли*.

В разные исторические эпохи праздник приходился на разные месяцы лунного календаря: на 13-й при Ся, на 12-й при Инь, на 11-й при Чжоу. Именно в период правления этой последней династии (XI в. до н.э. — 771 г. до н.э.) открывающий новый год день получил наименование *юань дань* (*юань* — начало, *дань* — заря, день). Основатель новой династии Цинь Шихуан¹ решает «перенести начало года на луну под знаком *хай* — т.е. на 10-ю луну. Можно предположить, что в этих переносах играли роль возрастающие познания древних о природе и календаре, а также определенные престижные соображения»². При династии Хань астрономы Лося Хун и Дэн Пин в 104 г. до н.э. разработали «Календарь великого начала»³, в котором новый год начинался в первый день первого месяца весны по лунному календарю и по-китайски назывался *го нянь* (*го* — проводить, праздновать, *нянь* — год). Такой порядок оставался неизменным вплоть до начала XX в.

После Синьхайской революции новое правительство страны, ориентируясь на международную практику, решило перейти на Григорианский календарь. 2 января 1912 г., на второй день после провозглашения Китайской Республики, временный прези-

дент страны Сунь Ятсен подписал «Уведомление о переходе на летоисчисление по солнечному календарю»⁴, что рассматривалось новой властью в контексте приобщения китайской нации к общемировым культурным ценностям и стандартам и отражало общее стремление прогрессивной части общества к обновлению. Разработать новый календарь Сунь Ятсен поручил своему другу, известному астроному Гао Лу, который благодаря западному образованию мог совместить Григорианский календарь с лунным. Календарный год стал начинаться с 1 января, которое было объявлено праздником. Нововведение вызвало неоднозначную реакцию и путаницу в обществе. Чиновники, работники сферы образования, члены разных объединений и редакций газет по указанию правительства стали праздновать Новый год 1 января. Простые горожане, крестьяне, а также торговцы, все события в жизни которых были тесно связаны с традиционным календарем, пребывали в недоумении и задавались вопросом: когда же отмечать Новый год. Некоторые граждане делали это два раза.

13 января 1912 г. Сунь Ятсен издал указ о выпуске новых календарей, из которых были исключены все тексты, связанные с тем, что попадало под определение «феодалные предрассудки», зато были внесены некоторые революционные даты. Эти календари совмещали два летосчисления и печатались вплоть до прихода к власти Гоминьдана в 1928 г.

Сменивший Сунь Ятсена Юань Шикай не отменил Григорианский календарь и в 1913 г. в свой первый новый год на посту законно избранного президента отдал распоряжение отмечать новогодний праздник 1 января. Решимость Юань Шикая оставить западный календарь подпитывала поддержка интеллектуальной элиты, убежденной, что его введение будет содействовать прогрессу страны. С другой стороны, Юань Шикай представлял собой типичный продукт традиционного образования и воспитания и не мог отказаться от старого Нового года. В результате в Китае стали отмечать два праздника: новый год — 1 января и старый — по лунному календарю. Именно последнее население считало «настоящим». В этот период возникла лингвистическая коллизия — в словосочетании старый новый год первое отрицало второе, т.к. старое в глазах обывателей не могло быть новым. Мыслящие конкретными категориями китайцы находились в растерянности.

День 1 января был объявлен выходным, что способствовало восприятию его как официального праздника. К этой дате были приурочены банкеты, выступления артистов, награждения, а также публикации в прессе с пожеланиями счастья и благополучия народу. Населению не возбранялось отмечать Новый год по лунному календарю. Тогда часто можно было услышать: «Вы отмечаете свой Новый год, я отмечаю свой».

Привыкшие за многие сотни лет строить свою жизнь, прежде всего сельскохозяйственные работы, по лунному календарю китайцы не хотели переориентироваться на новый порядок. Тогда правительство, учитывая настроение населения, решает в законодательном порядке закрепить ряд традиционных дат в календаре. Министерство внутренних дел после согласования с президентом Юань Шикаем 23 января 1914 г. выпускает распоряжение, устанавливающее четыре народных праздника: по одному в каждое время года. Первым в этом ряду шел весенний праздник *Чуньцзе*, летом отмечали праздник лодок-драконов *Дуанью*, осенью — Праздник середины осени *Чжунцзю*, зимой — День зимнего солнцестояния *Дунчжи*. *Чуньцзе* не только открывал год, но явно признавался главным, потому что только один он объявлялся выходным для государственных организаций и учебных заведений⁵. Таким образом, с 1914 г. два новых года были разделены по обозначениям: 1 января именовалось *юань дань*, а традиционный Новый год — *Чуньцзе* (Праздник весны).

Каждая новая власть стремится к переменам, реформам и обновлению, внося коррективы в жизнь общества. Не было исключением и правительство Чан Кайши, которое в ходе борьбы за новую жизнь решило перейти от одновременного использования

лунного и солнечного календарей к ориентации лишь на солнечный Григорианский календарь, сделать его официальным календарем. *Чуньцзе* наряду с другими праздниками лунного цикла рассматривался как устаревший и изживший себя праздник. В этом состояло коренное отличие взглядов на традиционные праздники гоминьдановского правительства от предыдущего пекинского, которое не стало пресекать многовековые традиции. Нанкинское правительство предприняло довольно жесткие меры по внедрению в повседневную жизнь Григорианского календаря. Было инициировано движение за отказ от старого календаря, которое развернулось как в верхах, так и в низах и имело сильную политическую составляющую⁶. Движение, с одной стороны, отразило стремление Китая жить «по одним часам» с остальным миром, с другой — выявило наличие серьезного конфликта между правительством и населением по вопросу о народных праздниках, в первую очередь о *Чуньцзе*.

7 мая 1928 г. министр внутренних дел Цзян Дуби подготовил Постановление «О повсеместном введении официального календаря» и представил его на одобрение правительства. В документе категорически запрещались продажа календарей старого типа и обозначение в новых календарях дат по старому календарю. Государственным органам, всем учебным заведениям, организациям и союзам категорически запрещалось устраивать увеселительные мероприятия и устанавливать выходные дни по случаю старых праздников. Правительство признало движение за искоренение старого календаря своим принципиальным курсом. 8 декабря ЦИК Гоминьдана утвердил «Меры ЦИК, направленные на повсеместное введение нового календаря и отмену старого». Таким образом, все министерства: внутренних дел, образования, торговли и промышленности, финансов и другие, а также ЦИК Гоминьдана, включились в движение за отмену старого календаря. Чан Кайши говорил тогда: «Со времени основания республики прошло 18 лет. За 18 лет трудно сломать все существующие в обществе старые обычаи. Календарь — тому подтверждение... Надеюсь, что наше общество сумеет устранить все плохие обычаи, будет жить в соответствии с указанным правительством курсом»⁷.

Исполнительный юань Национального правительства 16 июля 1929 г. принял решение запретить со следующего года издание и использование лунных календарей. Для того, чтобы утвердить нововведения в умах хотя бы государственных служащих и членов партии, Чан Кайши на второй день нового года по лунному календарю (11 февраля 1929 г.) назначил рабочее совещание, открывая которое с сожалением отметил, что с приближением праздника простые люди забыли про запреты и повсюду отмечали наступление лунного нового года, что говорит о том, что «революцию проводить нелегко, и без сильной воли и решимости нельзя добиться цели»⁸.

В 1930 г. Министерство внутренних дел разработало «Программу обследования народных обычаев», на основе которой на местах принимались собственные планы по «улучшению народных обычаев», связанных с рождением, похоронами, свадьбами, банкетами и подарками по случаю *Чуньцзе*⁹. Правительство требовало, чтобы население отдыхало и устраивало праздничные мероприятия в Новый год по официальному календарю, а в *Чуньцзе* работало как в обычные дни. По воспоминаниям современников, полицейские являлись в закрытые магазины и заставляли хозяев возобновить работу, за отказ штрафовали владельцев и продавцов, конфисковывали подарочные упаковки чая в виде слитков *юаньбао* и предназначенные для жертвоприношения товары, всячески устрашали население, даже арестовывали мелких лоточников, которые ходили по деревням и продавали новогодние товары. Все это делалось для того, чтобы искоренить у народа старые привычки и прежние верования¹⁰. Популярный шанхайский журнал «Дунфан цзачжи» прекратил помещать вклейку с сельскохозяйственным календарем, а оглавление первых номеров публиковал в красном цвете, чтобы подчеркнуть праздничность дня 1 января¹¹.

В документах правительства было закреплено требование подводить итоги коммерческой деятельности перед 1 января, а не перед *Чуньцзе*, и деловые круги не могли не подчиниться, одобряли они это решение или нет. Именно с этого времени конец финансового года перестал совпадать с *Чуньцзе*. Здесь нанкинские власти преуспели, чего нельзя сказать о самом факте празднования традиционного Нового года, как и других народных праздников. Не имело успеха у народа и внедрение в жизнь новых праздников. Например, в Шанхае в 1930-е гг. было определено 29 революционных праздников. 10 июля 1930 г. ЦИК Гоминьдана утвердил два документа: «Краткий список революционных праздников» и «История революционных праздников. Основные положения, касающиеся их пропаганды». Прогрессивные ученые и общественные деятели обвиняли Чан Кайши в отказе от традиционной китайской культуры. В результате правительство, вероятно, вспомнив высказывание танского императора Тайцзуна «господа, что лодка, народ подобен воде, — вода может держать лодку, а может и перевернуть», признало отмену народных праздников «несвоевременной» и вернула часть из них в календарь. Однако даты реабилитированных праздников были механически перенесены из лунного календаря в Григорианский, что фактически лишало их первоначального смысла. В документе «Меры по введению официального календаря» говорилось, что выходной день, а также поздравления, жертвоприношения, банкеты, выставки фонарей, вывешивание парных надписей по случаю Нового года по «отмененному календарю» переносятся на новый год по официальному календарю.

Генерал Фэн Юйсян ввел эту практику в конце 1927 г. на подконтрольных ему территориях нынешних провинций Хэнань, Шэньси и Ганьсу. Летом того же года он встречался с Чан Кайши, и не без его влияния еще до начала общекитайской кампании он, выражаясь современным языком, запустил пилотный проект, не только запретив как «социальные пороки» все народные праздники, в том числе традиционный Новый год, но и разрешив отмечать Новый год только 1 января по Григорианскому календарю.

Стремление правительства отказаться от старого багажа и поставить страну в рамки нового календаря привело к серьезному противодействию со стороны общественности. Народ не мог смириться с «переносом дат», усматривая в нем попытку изменить традиционный уклад жизни и попортить культурные ценности китайской нации. Последствия оказались не совсем такими, которых ожидали инициаторы реформы.

В 1934 г. правительство пошло на некоторое смягчение политики и объявило, что новое летоисчисление является обязательным лишь для государственных учреждений и учебных заведений, не затрагивает народные традиции и праздники, которые могут отмечаться по старому сельскохозяйственному календарю. В газеты и журналы возвращается тема *Чуньцзе*. Уже в декабрьском (1934 г.) номере популярного шанхайского журнала «Дунфан цзачжи» помещается статья Хуан Хуацзе* о традиции готовить в 12-й лунный месяц кашу *лаба*, с которой начинается подготовка к Новому году.

О реакции прогрессивных слоев интеллигенции можно судить по статье Лу Си-ня «Новый год» (1934 г.), в которой он писал: «На самом деле и страдающим, и трудящимся нужны отдых и радость. Я не праздновал новый год по старому календарю уже 23 года. Но в этом году я три ночи подряд запускал фейерверки, чтобы и мои соседи-иностранцы «разогрелись». Это единственное, что порадовало меня в этом году. В первый день Нового года мать прислала из Пекина мне курицу по-чжэцзянски, девять игрушек сыну Хайину и подарки семьям трех младших братьев»¹².

Чан Кайши, находясь у власти, вел решительную борьбу со старыми традициями. Однако через неделю после отставки с поста президента КР, 28 февраля 1949 г. он отме-

* Скорее всего, Хуацзе — это псевдоним, взятый в целях безопасности, который переводится как «китайский праздник».

тил свой последний на континенте *Чуньцзе* в соответствии с заветами предков: в кругу семьи в родовом гнезде в деревне Хусы (Даси), пров. Фуцзянь, с вином и едой, которые традиционно подавали на Новый год, с выступлениями артистов пекинской оперы — совсем как в старые времена. Он также посетил родовой храм, где совершил жертвоприношения и молебны в память о предках.

После образования КНР руководство нового государства четко заявило о своей политике в отношении народных праздников. Компартия с самого начала своего существования использовала новогодние праздники для общения с массами и завоевания авторитета в народе. Накануне *Чуньцзе* в 1922 г. Шанхайская организация КПК вместе с Обществом по изучению марксизма вручили горожанам на улице более 10 тыс. поздравительных открыток. Люди удивлялись: «Не может быть! Коммунизм добрался до Шанхая!»¹³. В опорных революционных базах, в советских районах — везде коммунисты и красноармейцы отмечали *Чуньцзе* с местным населением, несмотря на тяжелую обстановку, помогали продовольствием и одеждой, организовывали концерты.

На первой сессии Народного политического консультативного совета 27 сентября 1949 г. было принято решение перейти полностью на Григорианский календарь и отказаться от летоисчисления по годам Китайской Республики¹⁴. Определенная часть общества возражала против отхода от введенного Сунь Ятсеном порядка. Однако стремление «отрешиться от старого мира» оказалось сильнее — с новым календарем было введено название страны — Китайская Народная Республика. Тем не менее, новое руководство, проявив уважение к народным обычаям, четко высказалось за сохранение сельскохозяйственного календаря, хотя и было настроено «изживать старые нравы и традиции». За 1 января по Григорианскому календарю закрепилось название *юань дань*, 1 января по лунному календарю окончательно стало *Чуньцзе*¹⁵. Для празднования *Чуньцзе* устанавливались три выходных дня¹⁶. Признавались аналогичные праздники у нацменьшинств: Белый праздник у монголов, Праздник воды у дайцев, Лосар у тибетцев и др.

В 1950-е гг. *Чуньцзе* отмечали очень скромно, однако атмосфера праздника была пронизана ожиданием обновления, надежды на лучшее будущее. Жизнь оставалась тяжелой, и подарки отражали материальное положение основной части населения: в подарочный красный конверт *хунбао* клали 1–2 юаня, даже 50 фэней (полюаня) были радостью. В гости брали 2 бутылки вина и коробку сладостей (обязательно известной марки), на нее наклеивали полоску красной бумаги с иероглифом «счастье». Подарки принимали как большую драгоценность, складывали, не разворачивая упаковку, иногда передаривали. К *Чуньцзе*, возможно, раз в году покупали новую одежду и обувь, которые можно было продемонстрировать, отправляясь к друзьям и родственникам с поздравлениями. Вместо новогодних открыток посылали письма с добрыми пожеланиями. Новым содержанием наполнились парные надписи *чуньянь*. Например: «Своим освобождением обязаны КПК. В радости не забудем председателя Мао»¹⁷. Накануне *Чуньцзе* предприятия организовывали для сотрудников новогодние вечера с концертной программой. Находившиеся вдали от дома стремились успеть к Новому году домой, купить скромные сувениры для родственников и друзей.

Однако в 1951–1952 гг. дарить подарки и готовить праздничный стол к *Чуньцзе* стало небезопасно. По решению ЦК КПК в партийных и государственных органах развернулась кампания борьбы против «трех зол»: коррупции, расточительства и бюрократизма; в частных торгово-промышленных предприятиях — против «пяти зол»: подкупа, уклонения от уплаты налогов, расхищения государственного имущества, недобросовестного выполнения государственных заказов, хищения государственной информации. На улицах городов на специальных стендах можно было увидеть грозные предупреждения: «Друг, ты посылаешь подарки к Новому году? — Не было ли это расточительством?» или: «Ты получал подарки? — Смотри, чтобы это не было коррупцией»¹⁸.

В конце 1950-х гг. традиционный Новый год встречали под лозунгом «Изжить старые порядки». Отмечая *Чуньцзе*, рабочие и служащие, которые собирались коллективом в общественном месте, «разбивали шаблоны», что проявлялось в отказе от привычного набора блюд и алкоголя для новогоднего стола, замене вина чаем, банкета — беседой с чаепитием. Например, 20 рабочих шанхайского завода медицинского оборудования рапортовали в 1957 г. о том, что они исключили одно блюдо из праздничного меню, чем сэкономили государству 98 юаней¹⁹.

Даже в трудные годы «большого скачка» и народных коммун партийные комитеты организовывали празднование *Чуньцзе* и раздачу продуктов к празднику. Члены производственных бригад собирались вместе в общественной столовой, чтобы из коллективных продуктов сделать пельмени и распределить их по семьям²⁰.

В эти годы «Жэньминь жибао» накануне *Чуньцзе* призывала рабочих и служащих учитывать прежде всего интересы государства и производства, рекомендовала ездить домой, только если поездка занимала не более одного дня, советовала вместо общественного транспорта пользоваться велосипедом. К 1957 г. проблема передвижения в *Чуньцзе* стала общегосударственной: пассажиропотоки в праздничные дни возрастали на 20–50%, а состояние транспортной системы не позволяло всем вернуться домой²¹. Многие члены семьи по распределению работали на далеком расстоянии друг от друга, и выходные по случаю *Чуньцзе* представлялись единственной возможностью встретиться в течение года.

Первый *Чуньцзе* «культурной революции», наступивший 2 февраля 1967 г., ознаменовался стартом борьбы против «устаревшего» в четырех областях: в традициях, культуре, привычках и идеологии. В *Чуньцзе* было запрещено запускать фейерверки, зажигать благовония и молиться, совершать жертвоприношения, посылать открытки, исполнять традиционные танцы драконов и львов и т.д. Промышленность прекратила выпуск товаров, сопутствующих традиционной встрече Нового года. «Критики старого мира» призывали до основания разрушить доставшиеся от помещиков и капиталистов старые обычаи. Это было начало т.н. «революционизации» Нового года. 25 января 1967 г. 18-летний шанхайский *цзаофань* по имени Чжан Жэньсин, рабочий завода стекольных изделий в газете «Цзефан жибао» призвал не ездить домой на праздник, чтобы не отрываться от революционной борьбы²². Сразу после этого в местных газетах в разделах «Письма читателей» и «Предложения» появились материалы аналогичного содержания. «Жэньминь жибао» также поместила заметку, написанную от имени 57 революционных организаций, о борьбе со старыми обычаями. Авторы призывали отказаться от празднования и отдыха в *Чуньцзе* и готовиться к борьбе и захвату массами власти. 29 января вышло Уведомление Госсовета, в соответствии с которым в ответ на «требования широких народных масс» для рабочих и служащих отменялись выходные дни и посещение родных в праздник. В Уведомлении говорилось, что эти дни впоследствии будут компенсированы. Высокая политизированность праздника характеризовала *Чуньцзе* все 10 лет «культурной революции». На дверях сельских домов в качестве парных надписей вывешивали: «Тридцать лет не прекращать сражаться. В первый день Нового года продолжать бой», «Веет восточный ветер — революционная ситуация благоприятна. Развеваются красные флаги, на производственном фронте новые успехи». Под лозунгом «Ухватиться за революцию, содействовать подъему производства» крестьяне в праздник выходили на работу: рыли оросительные каналы, ремонтировали ирригационные сооружения, строили террасированные поля, готовили землю для посева. Люди не поздравляли друг друга, совершая традиционные поклоны, не желали богатства и процветания. Допускались лишь рукопожатия и краткое: «С Новым годом». Нередко можно было слышать: «Желаю в этом году поехать в Пекин и увидеть председателя Мао»²³.

Многие молодые образованные люди, недавние школьники и студенты, отправились в деревню на трудовое перевоспитание и в Новый год слушали воспоминания лю-

дей старшего поколения на тему «сопоставление прошлой тяжелой жизни с нынешней счастливой». Вместо обычных праздничных концертов из репродукторов звучали арии из образцовых революционных опер. Типичная для периода «культурной революции» встреча *Чуньцзе* выглядела так. Семья собиралась дома под портретом председателя Мао. Перед ужином все занимались критикой и самокритикой, дети могли «открыть огонь» по родителям, но в итоге все объединялись на идеологической почве: тогда говорили, что «члены революционного отряда должны заботиться друг о друге, поддерживать друг друга, помогать друг другу». Первый день наступившего года начинался с того, что родственники, высоко подняв «красную книжечку», повернувшись лицом к портрету председателя Мао, пели «В открытом море не обойтись без кормчего», вспоминали что-то из цитатника и желали великому вождю бесконечного долголетия²⁴.

В 1976 г. завершилась десятилетняя смута, однако празднование *Чуньцзе* возобновилось не сразу. 17 января 1979 г. «Жэньминь жибао» поместила два письма читателей: «Почему *Чуньцзе* не выходной день?» и «Дайте крестьянам спокойно отмечать Новый год». В первом письме говорилось, что рабочие не имеют ни одного выходного, тогда как право на отдых в *Чуньцзе* гарантировано законом. В подписанном крестьянином втором письме упор делался на то, что сельчане привыкли отдыхать в период праздника весны перед началом сельскохозяйственных работ. Опубликованные в центральном партийном органе заметки стали сигналом к повсеместному возвращению к прежней практике. Через несколько дней одна провинция за другой приняли решения о предоставлении отпуска на период *Чуньцзе*. К 1980 г. этот порядок распространился повсеместно. В жизнь общества вернулись новогодние «красные» базары и вся новогодняя атрибутика. Новый год вновь стал всенародным радостным и веселым праздником. С 1983 г. по телевидению в ночь перед *Чуньцзе* транслируется новогодний концерт, и большинство китайцев, как и в старину, не ложатся спать и проводят время за разговорами и обсуждением праздничной развлекательной программы²⁵.

В 1980-е гг. Китай вступил в период реформ и обновления. После снятия запретов на празднование Нового года население испытывало радость и удовлетворение, несмотря на сохранявшиеся материальные трудности. Самым тяжелым был *Чуньцзе* 1979 г. Государство еще не могло удовлетворить все потребности населения, и многие продовольственные и промышленные товары по-прежнему распределялись по талонам: вата, ткани, мука, рис, растительное масло, доуфу, свинина, конфеты и др. К празднику в городах увеличивали нормы выдачи продуктов²⁶. Некоторые предприятия организовывали на производстве снабжение своих работников товарами, которые отсутствовали в свободной продаже²⁷. Оживление в экономике привело к улучшению финансовых возможностей населения, увеличилось число людей, которые могли позволить себе поехать на *Чуньцзе* домой, воспользовавшись поездами, автобусами, речным транспортом, самолетом. Больше всего пассажиров передвигалось по железной дороге, на которой вводились дополнительные поезда.

Об одном из таких составов, реально существовавших в жизни, писал Ван Мэн: «Словно пол Китая пытается сесть в поезд в канун Праздника весны. Всех влечет к старым друзьям, покинутым родичам, к родительской ласке, к отчуждению, к волнующей встрече с детством. Близится первый в восьмидесятые годы двадцатого века Праздник весны, а люди, вдохновленные четырьмя модернизациями, штурмуют теплушки времен Уатта и Стивенсона! Полно людей, и между ними свободного пространства не больше, чем между составляющими их молекулами и атомами. Трудно представить, чтобы сюда мог втиснуться кто-нибудь еще! Проводница зажгла белую свечу, установив ее под стекло квадратного фонаря. Свеча? Почему не керосиновая лампа? А, боясь, что расплещется на ходу. Одна свеча на весь большой вагон»²⁸.

Начало следующего десятилетия ознаменовалось стремительным развитием рыночных отношений, относительным ростом материального благосостояния и плюрализ-

мом в системе ценностей, что не могло не сказаться на праздновании *Чуньцзе*. Предприятия поощряли работников по итогам года продуктами: растительным маслом, мясом, яйцами; позже — импортными товарами и денежными премиями. Возрожденная традиция преподносить подарки неожиданно стала благоприятной почвой для расцвета коррупции. Начинающие китайские бизнесмены для успешного решения своих проблем в органах власти стали использовать *Чуньцзе* как удобный повод для разного рода подношений. Показательным является признание секретаря комитета КПК уезда Сюйвэнь (пров. Гуандун) Сюй Фэнцзюань, которая в 1991 г. впервые получила в *красных конвертах* «подарков» на 30 тыс. юаней в знак благодарности за определенные услуги. В 1992 г. сумма возросла до 150 тыс., в 1993 — до 200 тыс. Когда дарителей перед домом собиралось слишком много, ее водитель регулировал очередь. И таких случаев по всей стране было огромное множество²⁹. В 1990-е годы личные связи играли большую роль и открывали многие двери, а цементировали их новогодние подношения. Необходимость отблагодарить за помощь и услуги исторически присуща китайскому менталитету. По мере роста финансовых возможностей населения суммы благодарности росли. Возник феномен «скрытой коррупции», таящейся в новогодних подарках. Их преподносили частные лица, их также делали за счет бюджета государственных организаций и предприятий. Получение взятки стало для некоторых чиновников принципом и стимулом работы. В 2010 г. журнал «Жэньминь луньтань» опубликовал результаты опроса на тему «Чего больше всего боится госслужащий в *Чуньцзе*?»: 44% боятся наступления Нового года, 55% боятся идти с поздравлениями к начальству домой. Тем не менее, 68% опрошенных считают, что Новый год — это прекрасное время для общения, а полученные подарки не обязательно афишировать³⁰. Проблема новогодних подарков общепризнанна. С 2001 г. комитет по проверке дисциплины ЦК КПК регулярно выпускает уведомления, в которых содержится требование в период *Чуньцзе* повышать самодисциплину, не допускать случаев взяточничества и расточительства. Новое руководство КПК, приняв в декабре 2012 г. «восемь основных положений», демонстрирует решимость покончить с коррупцией, в том числе новогодней. Уже достигнуты некоторые результаты: значительно сократилось число предновогодних корпоративов *вэйя*, проводимых за счет учреждений, сходит на нет практика дорогих подарков и высоких денежных вознаграждений, приуроченных к *Чуньцзе*.

Расточительство на государственном уровне пытаются пресечь партийные и государственные органы, а личные траты накануне *Чуньцзе* может ограничить лишь семейный бюджет. Многие китайцы сегодня жалуются, что расходуют огромные деньги на многочисленные подарки родственникам и друзьям, но не могут пойти наперекор традиции. В силу большого материального расслоения общества содержимое *хунбао* заметно отличается по районам, социальному и профессиональному положению, родственным отношениям, но остается неотъемлемым атрибутом традиционного китайского нового года.

Государство, как на центральном, так и на местном уровне, поддерживает проведение традиционных программ на храмовых ярмарках, в музеях, клубах и выставочных залах, всемерно содействует сохранению традиционной культуры³¹. Праздник *Чуньцзе* по-прежнему богат старинными обрядами и обычаями, этнически колоритен.

Несмотря на предпринимавшиеся в прошлом попытки перенести, изменить содержание или отменить китайский Новый год, праздник выстоял и остался самым радостным и любимым праздником всего китайского народа.

1. Цинь Шихуан — основатель династии Цинь [246–207 гг. до н.э.]

2. *Сыма Цянь*. Исторические записки. М., 2003. Т. 2. С. 346, прим. 75.

3. Ван Кай. Чуньцзе лаожэнь Лося Хун [Отец Чуньцзе Лося Хун] // Жэньминь жибао хайвань бань. 2013. 8 февр.
4. Сунь Вэнь сюаньцзи. Шан,чжун,ся цэ [Сунь Ятсен. Избранные произведения в 3 т.]. Т. 2. Гуанчжоу, 2006. С. 256.
5. URL: history.eastday.com. 18.11.2014.
6. Цзо Юйхэ. Лунь наньцзин чжэнфу дэ фэйчу цзюли юньдун [О развернутом нанкинском правительством движении за ликвидацию старого календаря] // Чжунхуа миньго ши яньцзю 1972–2002. Шан, чжун, ся сэ [Изучение истории периода Китайской Республики. 1972–2002]. В 3. т. Бэйцзин, 2008. Т. 3. С. 1167–1219.
7. Миньго минши гонянь цзи [Как отмечали Новый год известные люди в период Китайской Республики]. URL: php?fid=48. 10.11.2014.
8. Лю Бинь, Чжан Гайлунь, Ли Хуаньхуань. Вэньгэ ши бушо «гунси фацай», шо «чжу ни цзяньдао мао чжуси» [В «культурную революцию» не желали разбогатеть, а говорили: «Желаю увидеть председателя Мао»] // Наньфан чжоумо. 2014. 22 февр.
9. Янь Чанхун. 1930 няньдай гоминь чжэнфу фэнсу дяоча юй гайлян ходун шулунь [К вопросу об обследовании народных обычаев и движении за их совершенствование] // Чжунхуа миньго ши яньцзю. 1972–2002. Шан, чжун, ся сэ [Изучение истории периода Китайской Республики, 1972–2002]. В 3. т. Пекин, 2008. Т. 3. С. 1150–1166.
10. URL: www.ttshuba.com/shu/1/1889/910698.html. 20.11.2014.
11. Дунфан цзачжи. 1930–1935 гг.
12. URL: <http://news.sina.com.cn/sd/2011-02-10>. 15.11.2014.
13. Лю Бинь и др. Указ.соч.
14. Чжунго цзежи [Китайские праздники]. Пекин, 2005. С. 50.
15. Бай нянь фэнсу бьяньцян. 1900–2000 [Изменения обычаев за сто лет 1900–2000]. Нанкин, 2000. С. 101.
16. Гао Цзюй. Гайгэ кайфан чуньцзе вэйун [Реформа и открытость усилили ощущение Чуньцзе] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 29–30.
17. Бай нянь... С. 103.
18. Лю Бинь и др. Указ.соч.
19. Се Сяочунь. 1957 нянь дэ чуньцзе [Чуньцзе 1957-го года] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу, 2006. № 1. С. 26–27.
20. Байнянь... С. 103.
21. Юань Си. Бань гэ до шицзи дэ чуньюнь [Новогодние транспортные перевозки за более чем полвека] // Синь минь ваньбао. 2009. 11 янв.
22. Хуан Вэй. Фан Имэн. 1967: цюйсяо гонянь [1967: Отмена встречи Нового года] // Чжунго синь-вэнь чжоукань. 2009. № 45. URL: <http://magazine.sina.com/> 11.12.2014.
23. Чэнь Цзин. Гэминхуа дэ чуньцзе го ле ши нянь [Десятилетие «революционизированного Чуньцзе»] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 28.
24. Хуан Вэй. Фан Имэн. 1967: цюйсяо гонянь [1967: Отмена встречи Нового года] // Чжунго синь-вэнь чжоукань. 2009. № 45. URL: <http://magazine.sina.com/> 11.12.2014.
25. Открытый Китай. М., 2012. № 1. С. 11.
26. Верченко А.Л. Китайские праздники. М., 2002. С. 41–42.
27. Гао Цзюй. Гайгэ кайфан чуньцзе нянь вэйун [Реформа и открытость вернули ощущение встречи Нового года] // Дан дэ цзяньшэ. Ланьчжоу. 2006. № 1. С. 29.
28. Ван Мэн. Весенние голоса // Память. М., 1985. С. 278–279.
29. Гуаньчан го нянь бай нянь бьяньцян [Что изменилось в официальном праздновании Нового года за 100 лет]. URL: www.infzm.com/content/98062/ 10.11.2014.
30. Там же.
31. Гэ ди чуньцзе вэньхуа ходун ицай фэньчэн [Праздничные мероприятия по случаю Чуньцзе проходят повсеместно] // Чжунго вэньхуа бао. 2014. 31 янв.